

ВЕРА И НЕВЕРИЕ

В нашем мировоззрении огромное значение имеет вера¹. Ее влияние на оптимизирование жизни человека отмечалось многими мыслителями. Христос говорил своим ученикам: «Имейте веру Божию, ибо истинно говорю вам, если кто скажет горе сей: поднимись и ввергнись в море, и не усомнится в сердце своем, но поверит, что сбудется по словам его, — будет ему, что ни скажет. Посему говорю вам: все, чего ни будете просить в молитве, верьте, что получите, — и будет вам»². Возможно, слова Христа часто рассматривают лишь как метафору, но, тем не менее, вера, надежда и любовь увеличивают энергию и эффективность человеческого действия. Интуитивного представления о различии между этими тремя ценностями недостаточно, необходимо попытаться сопоставить их и показать наглядно, в чем оно (это различие) проявляется:

<i>Вера</i>	<i>Надежда</i>	<i>Любовь</i>
Утверждает благо как действительность	Утверждает возможность блага	Воплощает реальное благо
Побеждает уныние	Побеждает страх	Реализует преодоление уныния и страха
Дает субъективные гарантии блага	Не дает уверенности в достижении блага	Достигает блага
Побеждает сомнения	Сосуществует с сомнениями	Отрицает сомнения
Воплощает стремление к благу	Воплощает ожидание блага	Реализует благо
Опирается на дух	Опирается на душу	Соединяет дух и душу
Ищет помощи	Ждет помощи	Дает, оказывает помощь и поддержку

Слово «вера» имеет корень такой же, как в словах «верность», «проверка», «доверие», «уверенность», «верификация», «достоверность», но и в словах «недоверие», «неверие». В английском языке вместо одного слова для обозначения разных видов веры употребляются несколько слов: belief (уверенность), faith (религиозная вера), trust(доверие), хотя это различие условно.

Обычно религиозную веру противопоставляют научному знанию: «Столкновение веры с рационалистической критикой приводит к одной из трех позиций, выявляющихся в различных направлениях теологии: либо догматы веры предлагаются разуму как аксиомы, сами не подлежащие ни доказательству, ни критике, но дающие отправную точку для цепи логических умозаключений (максима *Августина* и *Ансельма Кентерберийского* “верую, чтобы понимать”), либо предпринимаются попытки умозрительно обосновать их, переводя на язык философских конструкций и нередко рационалистически переосмысляя (максима *Абеляра* “понимаю, чтобы веровать”), либо, наконец, с вызовом декларируется полная несовместимость веры с “немошным”

¹ См.: Пивоев В. М. Вера и мировоззрение (о роли веры в структуре оптимистического мировоззрения) // Культура и мироотношение. Петрозаводск, 1990. С.59-66.

² Марк, XI, 22-24.

человеческим разумом (максима “верую, ибо нелепо”, ложно приписываемая *Тертулиану*, но находящая известные соответствия и у него). Вторая позиция приводит к поглощению богословия идеалистической философией, третья — к разрыву между богословием и философией, поэтому ортодоксальная теистическая *теология* обычно исходила из первой позиции»³.

Религиозная вера отличается от научного знания лишь характером достоверности. Научное знание опирается на объективную достоверность, а религиозное — на субъективную. Блез Паскаль предлагал такой выбор: «Взвесим выигрыш или проигрыш, ставя на то, что Бог есть. Возьмем два случая: если выиграете, вы выиграете все; если проиграете, то не потеряете ничего. Поэтому, не колеблясь, ставьте на то, что Он есть»⁴. Потому что вера формирует оптимистические основы для жизни и миропонимания.

А какая польза от неверия? Защитники атеизма полагают, что отказ от религиозной веры помогает человеку избавиться от иллюзий и строить свою жизнь на реальной основе, без каких-либо несбыточных планов и надежд.

Однако, если внимательно присмотреться, то легко заметить, что отрицание веры, скепсис, сомнение, критицизм — имеют негативное влияние на жизнь человека.

Атеизм является, по существу, всего лишь *верой* в несуществование высших абсолютных ценностей (в том числе и Бога), поскольку доказать, что их (этих ценностей) нет, атеисты не в состоянии. Соответственно, атеизм является пессимистической верой, разрушающей основы духовной культуры.

Скепсис является своеобразной «ржавчиной», которая разъедает духовные основания жизни человека. Правда, нередко скепсис является всего лишь щитом, которым ранимые люди защищают свою душу от чужих, не очень чистых рук, спасают идеалы своего сердца от деструктивности нигилистов и атеистов. Тем не менее, плодотворность такого средства невелика.

Нигилизм — еще хуже, поскольку чреват пессимизмом, унынием и утратой смысла жизни, что может привести к деструктивному бунту и разрушительности, что исследовал в своих книгах и пьесах А. Камю. Но еще Ф. Ницше это прекрасно понимал, заметив, что если разрушить все идеалы и ценности, человек оказывается в пустоте, на свалке истории, где ему придется копаться в поисках чего-то пригодного для удовлетворения его ценностных ожиданий⁵.

Сомнения — феномен возможный и необходимый, но только как промежуточный рубеж, который ведет к вере. Это важный этап на пути от мифологии к религии. Сомнения являются всего лишь средством проверки прочности тех оснований, на которых строится вера. Пока нет сомнения, веры быть не может, только после сомнения может быть сознательный выбор: или вера или неверие, — все зависит от наличия или отсутствия оснований для веры. Тотальное сомнение имеет большой деструктивный потенциал и приносит несомненный вред, и даже Р. Декарт, призывавший хотя бы раз в жизни усомниться во всех вещах, которые дают малейший повод для такого сомнения, не позволял сомневаться в том, что мы имеем право на сомнение. То есть из тотальности сомнения он делал исключение, поскольку без такой аксиомы его построение может рухнуть. Вспомним строки А. С. Пушкина: «...Тьмы низких истин мне дороже Нас возвышающий обман».

³ Аверинцев С. Вера // Новая философская энциклопедия: в 4 т. М., 2010. Т. 1. С. 380.

⁴ Паскаль Б. Мысли. М., 1994. С. 132.

⁵ См.: Ницше Ф. Сочинения: в 2 т. М., 1990. Т. 1. С. 149.

Основателем критического метода считается И. Кант, хотя он выстроил его на основе скептицизма Д. Юма, который считал веру результатом не рассуждения, а скорее чувства: «...Когда любое впечатление воспринимается нами, то оно не только переносит ум к связанным с этим впечатлениям идеям, но и сообщает им часть своей силы и живости»⁶. Поэтому, полагал Юм, причиной веры является эмоциональное впечатление, и чем оно сильнее, тем прочнее вера⁷. «Вера как живое представление никогда не может быть полной, если она не основана на чем-то естественном и непринужденном»⁸. «...Все наши суждения относительно причин и действий основаны исключительно на привычке и вера является актом скорее чувствующей, чем мыслящей, части нашей природы»⁹.

Однако Кант не преувеличивал в критике потенциал отрицания, для него это всего лишь метод проверки, исследования, выявления оснований, установления достоверности, верификации (как сказали бы неопозитивисты). Г. Гегель ввел закон отрицания в фундамент своего диалектического метода, но при этом сделал аксиоматическое допущение: отрицается все устаревшее, а все прогрессивное сохраняется. Но при этом возникает каверзный вопрос: кто доказал, что любые изменения при отрицании ведут к лучшему?!

Кантовской парадигме критицизма в XIX в. были противопоставлены установки на критику «неразумной действительности (Маркс), критику разума иррациональной волей (Шопенгауэр), жизненным инстинктом (Ницше), бессознательным влечением (Фрейд). Затем Мах и Авенариус с помощью критицизма исследовали эмпирические основы познания¹⁰.

Против абсолютизации критицизма возражал российский историк и философ Л. П. Карсавин, который указывал, что критицизм есть признак незрелого ума и ученичества, а зрелый ум проявляется в конструктивных новых идеях. Критиковать легко, это доступно любому человеку, совсем другое дело — придумать что-либо новое и плодотворное¹¹.

Безнадежность и уныние, с христианской точки зрения, являются серьезным грехом, что необходимо преодолевать упованием на Бога и надеждой и верой. Похожие позиции отстаивает китайский даосизм с его принципом «недеяния» (*у-вэй*), при котором речь не идет о пассивности, а о постижении мудрых законов природы и деятельности в соответствии с их установками.

Однако необходимо указать на то, что вера, являющаяся важным основанием религии, не может считаться ее универсальным признаком, поскольку вера бывает не только религиозной, но и моральной и когнитивной. И. Кант предлагал остроумный способ измерения потенциала веры с помощью пари. С его помощью предлагается оценить, какова величина уверенности человека в правильности его мнения: «Обычным критерием для того, чтобы узнать, составляет ли чье-нибудь утверждение только уверенность или по крайней мере субъективное убеждение, т. е. твердую веру, служит пари. Нередко человек высказывает свои положения с таким самоуверенным и непреклонным упорством, что кажется, будто у него нет никаких сомнений в истинности их. Но пари приводит его в замешательство. Иногда оказывается, что

⁶ Юм Д. Сочинения: в 2 т. М., 1966. Т. 1. С. 198.

⁷ Там же. С. 206-207.

⁸ Там же. С. 296.

⁹ Там же. С. 293.

¹⁰ См.: Порус Б. Н. Критицизм // Новая философская энциклопедия: в 4 т. Т. 2. С. 329.

¹¹ См.: Карсавин Л. П. Философия истории. СПб., 1993. С. 17.

уверенности у него достаточно, чтобы оценить ее только в один дукат, но не в десять дукатов, так рисковать одним дукатом он еще решается, но при ставке в десять дукатов он видит то, что прежде не замечал, а именно то, что он, вполне возможно, ошибается»¹². Разумеется, такой метод не годится для оценки прочности религиозной веры.

Человеку свойственно верить, но, как заметил французский романтик Шатобриан, если у человека нет достойных объектов для веры, он устремляется к недостойным. Когда он не получает удовлетворительного ответа на свои вопросы в церкви, он идет к колдуну¹³. Одни люди верят в существование некой высшей разумной силы, которая управляет миром (например, *dao*), другие выбирают традиционный культ, третьи начинают конструировать новую систему ценностей, вовлекая приверженцев своим эмоциональным заражением в новоерелигиозное движение.

Какие основания для веры можно обнаружить? Один студент сказал: «А вот пришел бы к нам Господь Бог и прочитал бы лекцию, тогда бы я поверил!» Разумеется, это невозможно. Если бы к нам пришел Господь Бог, мы бы все его увидели, автограф у него попросили, вместе с ним сфотографировались. Мы получили бы в этом случае проверяемые доказательства его присутствия среди нас, Это была бы уже не вера, а достоверное научное знание. Религиозная вера не может опираться на такие основания. К какому-то одному человеку Господь Бог может прийти, если он (этот человек) этого заслуживает, но другие при этом присутствовать не имеют права. То есть в основании религиозной веры должна быть субъективная достоверность. Каковы пути ее получения? Путей к Богу существует много, есть тысячи томов западной христианской литературы, тысячи томов восточной христианской, восточной нехристианской, — все эти книги рассказывают о путях к Богу. Но наиболее известные пути к Богу следующие:

— внушение родителей в детстве (родители дают совет детям обращаться в случае необходимости за советом и утешением к Богу, что дает реальную помощь и облегчение);

— духовные поиски выхода из жизненных противоречий (Л. Н. Толстой и С. Н. Булгаков, потеряв в молодости внушенную в детстве веру, задумались над вопросом «Имеется ли в жизни смысл, который не утрачивается вместе со смертью»; поиски ответа и привели их к Богу);

— слова проповеди и внушение популярного проповедника (современные западные проповедники наряду с внушением нередко используют методики 25-го кадра для воздействия на подсознание и зомбирование);

— «пограничный опыт» (переживания на грани жизни и смерти: распад семьи, тяжелая болезнь, смерть близких, клиническая смерть, — что исследовал американский философ и врач Р. Моуди);

— мистический религиозный опыт (это самое прочное основание для религиозной веры на основе видения, исихазма, суфизма, сатори). Мистический опыт — это переживание личного контакта со священным началом (духовной субстанцией) или Богом, духовно-энергетическое и информационное взаимодействие, которое не поддается рациональному пониманию и осмыслению. При этом необходимо

¹² Кант И. Сочинения: в 6 т. М., 1964. Т. 3. С. 675.

¹³ См.: Шатобриан Ф. Р. Гений христианства // Эстетика раннего французского романтизма. М., 1982. С.219.

преодоление трех препятствий: 1) чтобы встретиться с Богом в своей душе, нужно к этой встрече подготовиться, очистить ее от греховных помыслов, чтобы не стыдно было Бога принять в своей душе; 2) чтобы встреча с Богом состоялась, недостаточно иметь человеку желание такой встречи, необходимо, чтобы и Бог захотел этого и сделал встречный шаг; и здесь человек зависит от Бога, а он от человека не зависит; не во власти человека «предъявить Богу счет» за свое праведное поведение и совершенные добрые дела; не человеку решать, заслужил он этой награды или нет, решает Господь Бог; священники православные говорят: «Вера есть дар Божий и она даруется лишь достойным, ее надо заслужить, а меру заслуг определяет Он!»; 3) православные священники говорят: «Не пытайтесь встречаться с Богом вне стен храма, ибо где у вас гарантия, что вы встретитесь с Богом, а не с бесом лукавым, который вас будет смущать? Лучше не рискуйте, идите в храм, там встретитесь с кем положено». И приводят пример из жития преподобного Иоанна Новгородского, которому явился вне церкви такой благообразный сияющий образ, тот понял, что это бес и не поддался на его соблазны.

Мистика подразделяется на практическую и богословскую:

1. Непосредственный личный опыт переживания контакта со священным началом или Богом является важнейшим основанием веры.
2. Богословская мистика направлена на осмысление и понимание священного начала, Бога и отношений человека с вечностью.

Студенты медицинского факультета однажды после лекции задали вопросы: «Какая польза от религии? Зачем нам ее изучать?» Тогда я попросил: «Назовите главную причину болезней». Они ответили: «Нервы». «А если нервы успокоить, болезней будет меньше?» «Конечно», — был ответ. «Так религия этим и занимается!»

Американский биолог Пол Липтон в своей книге «Биология веры» хорошо показал, что обмен веществ в организме человека зависит от эмоционального состояния человека. При положительных эмоциях открывается русло микроциркуляции, и через него расслабляются все структуры тела, питательная среда легче доходит до клеток органов, улучшаются обменные процессы, что ведёт к оздоровлению клеток и органов, и в частности мозговых структур¹⁴.

Сущность религии наилучшим образом показал А. Ф. Лосев в своей книге «Диалектика мифа»: религия есть «субстанциальное утверждение в вечности»¹⁵. И это самый главный вопрос: имеется ли в моей жизни смысл, который не утрачивается вместе с моей смертью? Исходя из этого, можно уже говорить о важнейших задачах религии, но можно дополнить, ссылаясь на слова П. А. Флоренского. Защищая свою диссертацию по богословию он сказал: «Религия есть, — или по крайней мере притязает быть художницей с п а с е н и я, и дело ее — с п а с а т ь. От чего же спасает нас религия? — Она спасает н а с о т н а с, — спасает наш внутренний мир от таящегося в нем хаоса. Она одолевает геенну, которая в нас, и языки которой, прорываясь сквозь трещины души, лижут сознание. Она поражает гадов “великого и пространного” моря подсознательной жизни, “им же несть числа”, и ранит гнездящегося там змея. Она улаживает душу. А водворяя мир в душе, она умиротворяет и целое общество, и всю природу. <...> ...Религия есть система таких действий и переживаний, которые обеспечивают душе с п а с е н и е. Другими словами, спасение, в

¹⁴ См.: Липтон П. Биология веры. М., 2000.

¹⁵ Лосев А. Ф. Диалектика мифа // Лосев А. Миф — Число — Сущность. М., 1994. С. 190.

том наиболее широком, психологическом смысле слова, есть равновесие души в н о й ж и з н и»¹⁶.

Русский философ И. А. Ильин заметил, «человек сам постепенно уподобляется тому, во что он верит. <...> ...Человек постоянно (то сознательно, то бессознательно) *медитирует* о том предмете, в который он верит. Вследствие этого *душа вживается в этот предмет, а самый предмет, в который она верит, проникает в душу до самой ее глубины*»¹⁷. Сравнивая три ветви христианства, он писал о различных основаниях и источниках веры: «Вера не дается доказательствами. Ибо источник веры не в рассуждении, а в *предметном горении сердца*. В этом основное отличие православия от протестантизма. <...> Вера не дается волевому нажиму. Ибо источник веры не в волевом решении (“буду веровать”), а в *силе созерцающей любви*. И в этом основное отличие православия от католицизма. *Человек может уверовать, только свободно и полно прозрев, духовно прозрев сердцем, или иначе — узрев Бога в горении свободной и искренней любви*»¹⁸.

Целью религиозной веры является, как писал С. С. Аверинцев, спасение — это «предельно желательное состояние человека, характеризующееся избавлением от зла — как морального, так и физического — полным преодолением отчуждения и несвободы. Спасение выступает как конечная цель религиозных усилий человека и высшее дарение со стороны Бога»¹⁹.

Таким образом, основные функции, которые выполняют религиозная вера и религия:

- Духовного развития и спасения;
- Ценностно-телеологическую;
- Коммуникативно-интегративную;
- Компенсаторную (утешения);
- Нравственно-регулятивную;
- Идентификации и адаптации;
- Культурно-цивилизационную.

Верой называют сознательное не критическое восприятие каких-либо феноменов в качестве достоверных, если на то имеется субъективное основание. Вера гармонизирует внутреннее состояние человека и взаимоотношения человека с миром, уменьшая негативный стрессовый потенциал, а, соответственно, удаляя возможные причины болезней.

¹⁶ Флоренский П. А. Вступительное слово пред защитой на степень магистра книги «О духовной истине» // Флоренский П. А. Соч.: в 2 т. М., 1990. Т. 1. Столп и утверждение истины. Ч. 2. С. 818.

¹⁷ Ильин И. А. Собрание сочинений: в 10 т. М., 1993. Т. 1. С. 48.

¹⁸ Там же. С. 80.

¹⁹ Аверинцев С. С. Спасение // Философская энциклопедия: в 5 т. М., 1970. Т. 5. С. 107.